

УДК 94 (470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-15–25

Ш.А. Магарамов¹, Н.А. Асваров²

Дагестан в политике Российской империи в первой трети XVIII в.⁷

¹ Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН; Россия, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45; sharafuldin@list.ru;

² Дагестанский государственный педагогический университет; Россия, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57; nariman.vip@yandex.ru

В первой трети XVIII в. в истории народов Дагестана начался новый этап, связанный с петровской Россией. Прикаспийская часть Дагестана, как и все юго-западное побережье Каспийского моря, была присоединена к Российской империи в результате предпринятого Петром Великим Персидского похода 1722–1723 гг. Появился прикаспийский «остров» империи, обозначенный в архивных документах как «новозавоеванные» или «заморские» территории. В статье анализируется установление в Дагестане имперских порядков, формирование системы управления и выстраивание отношений с местными правящими элитами. Показано, что основным орудием обеспечения имперской власти в регионе являлась армия, отдельные ее воинские регулярные и иррегулярные (казаки, калмыки, армяне, грузины) формирования, объединенные в Низовой корпус Русской императорской армии. Непосредственно на территории Дагестана присутствие российской имперской власти обеспечивали гарнизоны крепости Святого Креста, Дербента, Терского и Аграханского ретраншементов. Проведенное исследование показало, что вся полнота власти в гарнизонах находилась в руках комендантov, являвшихся представителями российской власти. Петровский этап в истории Дагестана, как и всего Западного Прикаспия, длился недолго – тринадцать лет. В дальнейшем геополитические изменения в регионе привели к уходу России из прикаспийских областей. Последепетровская Россия оказалась не способной управлять значительно отдаленными от ее основной территории прикаспийскими землями, к которым относился и Дагестан. Одной из причин ухода Российской империи с побережья Каспия и уступки данной территории Персии была попытка превратить последнюю из противника в союзника.

Ключевые слова: *петровская Россия, Персидский поход 1722–1723 гг., Дагестан, имперские окраины, система управления, международные отношения.*

Территория петровской России расширялась в разных направлениях. Восточная политика занимала важное место во внешнеполитической доктрине Петра Великого, при котором территория молодой Российской империи расширилась и в Каспийском направлении. Каспий должен был служить естественным водным путем при налаживании торговых отношений страны с Востоком. Эти планы не могли быть реализованы без присоединения прикаспийских областей. С этой целью летом 1722 г. императором был предпринят Персидский поход. Но этот военный поход с личным участием царя в начале сентября 1722 г. с взятием Дербента, служившего северным форпостом Сефев-

⁷ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Петр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона».

идской державы и более чем двухвековым оплотом их господства на Северо-Восточном Кавказе, был временно приостановлен.

Однако продвижение российской армии на юг вдоль каспийского побережья было продолжено, но уже небольшими отрядами. В конце 1722 г. отряду полковника П.М. Шипова удалось занять Решт – главный город Гилянской провинции. В следующем году военная компания была продолжена, и в июле 1723 г. российские отряды во главе с командующим М.А. Матюшкиным завоевали Баку. Таким образом, петровская Россия заняла стратегически и экономически важные пункты на юго-западном побережье Каспия. 12 сентября 1723 г., подписав с Персией Петербургский договор, Россия юридически закрепила за собой узкую прикаспийскую территорию. Несмотря на то, что Петербургский договор не был ратифицирован шахом Персии, Российская империя де-факто владела данным регионом. Появился «остров» Российской империи на берегах Каспия, значительно отдаленный от ее основной части.

Продвижения Петра Великого вплоть до Дербента происходило без каких-либо демаршей со стороны региональных держав, в частности Османской империи. В то же время один из участников похода, капитан Питер Генри Брюс (1692–1757), сообщает, что 6 сентября 1722 г. в лагерь российских войск под Дербентом «из Шемахи прибыл турецкий посол и сообщил императору, что турки завладели этим городом, и что по приказу великого господина, его хозяина, он явился к его величеству, дабы заявить, что он (Петр I. – Ш.М., Н.А.) нанес оскорбление Порте своим продвижением в эти земли; посему он желает, чтобы тот отвел войска, а если император откажется, то он объявит войну России» [17, с. 288]. Из данного сообщения неясно, кто был этим турецким посланником. В работах отдельных кавказоведов со ссылкой на работы турецких авторов также отмечается, что в лагерь на реке Милюкент (ныне река Рубас) под Дербентом прибыл османский представитель, потребовавший прекратить поход под угрозой начала войны [15, с. 60; 12, с. 164].

Однако с таким утверждением несогласен ведущий российский историк И.В. Курукин, которому не удалось обнаружить документальных данных о прибытии в лагерь Петра I кого-либо из османских дипломатов. Кказанному добавим, что в последние годы мы активно работали с документами различных фондов федеральных и региональных архивов, и нам также не удалось найти каких-либо документальных данных об этом. Более того, вопрос о демарше османов не обсуждался на состоявшемся 29 августа 1722 г. военном консилиуме в лагере вблизи Дербента, на котором и было принято окончательное решение временно приостановить поход. В обозе при Дербенте Петр Первый собственноручно записал в журнале: «Был генералной конзили⁸ что делать, на котором все согласно положили письменное мнение, что итить назад, понеже провианту только на месяц имели» (2). Таким образом, одной из главных причин приостановки похода была утрата провианта в результате кораблекрушений в районе Аграханского залива и в устье р. Милюкент.

Персидский поход 1722–1723 гг. активизировал кавказскую политику османских властей. Петр I понимал, что успехи России в Каспийском бассейне неизбежно приведут к осложнению отношений с Османской империей, и поэтому заранее принял меры, чтобы смягчить позицию турок. 20 июня 1722 г. перед началом похода российскому резиденту в Стамбуле И.И. Неплюеву был послан реескрипт с предписанием

⁸ Состоялся консилиум генералов и других военных чинов, на котором было принято решение временно приостановить поход в сторону Баку и вернуть основные военные силы в Астрахань и Москву.

объявить туркам о походе российских войск в прикаспийские области с целью наказания дагестанских владетелей Сурхай-хана Казикумухского, Хаджи-Давуда, уцмия Ахмед-хана и других – виновников шемахинского погрома 1721 г. [5, с. 101–103], в результате которого пострадали русские купцы.

Когда весть о Персидском походе дошла до Стамбула, там распространились слухи о появлении русских в Грузии и о вторжении их в Ширван. Недовольство османских властей политикой России на Кавказе подогревалось английской дипломатией, преследовавшей собственные цели в бассейне Каспийского моря. Тогда И.И. Неплюев предложил османскому султану отправить в Россию своего посланника, что и было сделано. Зимой 1722–1723 гг. в Москву явились османские послы, которых принял только что вернувшийся из похода император Петр Великий. Им было заявлено о намерении не нарушать мир с османами и озвучено предложение о возможном разделе Сефевидского Ирана. Когда было получено достоверное известие о возвращении Петра I из Дербента в Петербург, османские правящие круги в какой-то мере успокоились [14, с. 388].

В дальнейшем начались долгие и изнурительные переговоры, несколько раз прерывавшиеся без результата и едва не вызвавшие военный конфликт. Османская сторона требовала, чтобы Россия оставила занятые ею города и области на юго-западном побережье Каспия, поскольку она, как считали османы, не имеет никаких прав на прикаспийские провинции. Позиция России была ясна – никоим образом не допустить османов к Каспийскому морю. Об этом решительно заявил в Константинополе российский резидент И.И. Неплюев [14, с. 388]. Посредником в переговорах выступил французский посол в Османской империи де Бонак. Хотя И.И. Неплюев был не очень доволен его посреднической ролью, но французская дипломатия в этом вопросе, в отличие от Англии, была настроена на мирное решение проблемы.

12 июня 1724 г. был подписан и ратифицирован обеими сторонами окончательный вариант Константинопольского договора. По условиям договора на землях к западу от Каспийского моря была установлена общая граница между Российской и Османской империями. Первая статья договора содержала процедуру демаркации кавказских территорий между двумя странами. В Дагестане под власть турок переходили владения Сурхай-хана Казикумухского, общество Ахты-пара и часть общества Алты-пара в верховьях реки Самур, а остальная, более значительная часть Дагестана была признана за Российской империей [8, с. 99]. Под османскую власть также переходили Грузия и Ереванская провинция. Что касается Ширванской провинции с городом Шемаха, то она передавалась под власть Хаджи-Давуда под протекторатом Османской империи. К этому времени Хаджи-Давуд был уже принят в подданство османов.

Россия закрепила за собой узкую полосу завоеванных прикаспийских областей и, что самое главное, не допустила турок к берегам Каспийского моря. Это изначально и планировалось российской дипломатией. Дагестанское побережье Каспия от р. Терек до Дербента вообще не обсуждалось и не упоминалось в договоре, что можно расценить как фактическое признание прав Российской империи на эту территорию Дагестана и успех российской дипломатии. Предгорная и горная части Дагестана Россию не интересовали, для нее куда важнее было обеспечить безопасность коммуникаций в прибрежной зоне Дагестана и по морю.

Для управления новозавоеванными прикаспийскими областями был сформирован крупный военный контингент – Низовой корпус Русской императорской армии, главнокомандующим которого в 1722 г. император назначил сподвижника Петра I генерал-майора М.А. Матюшкина. Центральным звеном Низового корпуса была крепость

Святого Креста в устье реки Сулак в Дагестане, решение об основании которой было принято лично Петром Великим в сентябре 1722 г. на обратном пути из Дербента в Астрахань [10, с. 181]. Крепость Святого Креста стала преемницей Терского городка – русского форпоста на Северном Кавказе конца XVI – первой четверти XVIII в. и центром имперских земель в прикаспийских областях.

Целью основания новой крепости было желание закрепиться в «новозавоеванных» провинциях, каковыми считались западное и южное прибрежья Каспийского моря. Из крепости Святого Креста – главной российской «фортеции» на Северном Кавказе – легко можно было контролировать территорию предгорного и прикаспийского Дагестана и поддерживать коммуникации с Дербентом. Масштабное строительство крепости началось весной 1723 г. и продолжалось вплоть до 1728 г. Возведение крепости было поручено генерал-майору Г.С. Кропотову под началом генерал-аншефа М.А. Матюшкина, назначенного в регионе командующим армией, именовавшейся Низовым корпусом Русской императорской армии. Строительные работы выполнялись под руководством инженера-полковника де Бриньи и полковника Ветерани. Для прямого сообщения с морем решено было запрудить Сулак возле крепости, а всю воду направить в реку Аграхань, чтобы можно было подходить к крепости на больших судах.

Для защиты строительства были оставлены несколько полков, кавалерии и корпус казаков под командованием подполковника Л.Я. Соймонова, которые должны были прикрывать недостроенные укрепления на реке Сулак. Впоследствии Л.Я. Соймонов был назначен комендантом крепости [7, с. 140]. Ход строительства крепости Петр I держал под своим контролем. 22 мая 1724 г. государь лично отдал распоряжение М.А. Матюшкину: «Крепость Святого Креста доделать по указу» [11, с. 58]. На строительство крепости были потрачены немалые силы и средства. Это была мощная по тем временам шестибастионная твердыня, в которой были сосредоточены значительные воинские силы с 35 пушечной батареей. Это был главный военный оплот империи в Западном Прикаспии. Кроме того, крепость Святого Креста играла роль административно-политического центра на Северном Кавказе. Находящимся в российском подданстве кавказским, в частности дагестанским, владельцам здесь выплачивалось жалование, выдавались подарки и награды, необходимые военные припасы. В крепости шли переговоры и вырабатывались условия для вступления того или иного кавказского владельца в российское подданство, здесь они присягали на верность царю, здесь же держали аманатов (заложников) для гарантии верности.

Гарнизоны войск Российской армии на территории Дагестана также были созданы в Терском и Аграханском ретраншементах и в Дербенте. Команданты городов-крепостей были обязаны обеспечивать российское присутствие в регионе, контролировать над местные правящие элиты и население, следить за бесперебойным функционированием коммуникаций, а также решать вопросы хозяйственно-экономического освоения региона. Эти задачи в прикаспийском Дагестане решали коменданты крепостей Святого Креста и Дербента. Изучение их военно-политической и хозяйственной деятельности дает возможность понять принципы реализации имперской власти в Дагестане в XVIII в.

Команданты старались выстраивать позитивные отношения с местными правящими элитами, урегулировать возникавшие конфликты, модернизировать хозяйственно-экономические ресурсы, поддерживать коммуникации, создавать торговую инфраструктуру. В этом плане наиболее успешной выглядит деятельность дербентского коменданта бригадира А.Т. Юнгера, назначенного на эту должность 29 августа 1722 г. указом Петра I [6, с. 112–113]. А.Т. Юнгер находился в должности коменданта Дербен-

та с августа 1722 г. по июль 1730 г. с перерывом с марта 1728 г. по январь 1729 г., когда комендантом был полковник фон Лукей. После смерти последнего А.Т. Юнгер был вновь назначен дербентским комендантом [9, с. 55–56].

Опыт, какопленный в должности командира Рязанского полка (переформатирование личного состава, обеспечение оружием, формой, судами во время движения по Волге), участвовавшего вместе с другими 19 полками в Персидском походе, в сочетании с боевым опытом понадобился А.Т. Юнгеру в управлении Дербентом, форпостом империи в Дагестане.

После ухода основных сил петровской армии из Дербента город оказался в осаде. В октябре 1722 г. Дербент атаковали отряды Хаджи-Давуда и уцмия Кайтагского. Посланец Хаджи-Давуда убеждал коменданта сдать город, поскольку, по его словам, в штурме участвуют более ста тысяч горцев. На самом деле, как удалось установить по архивным документам, их численность была около двух тысяч⁹. Отряды горцев, так и не решившихся на штурм города, отступили. При этом были уничтожены сады и огороды дербентцев, расположенные за южной городской оборонительной стеной. Отступление отрядов Хаджи-Давуда было связано с неустойчивостью их положения в лагере и мятежом в столице повстанцев.

Нередко от набегов горских отрядов страдали горожане, выходившие за городские оборонительные стены на полевые работы на расположенных поблизости земельных наделах. Не только солдатам, но и «дербенским жителям из города выходить нельзя, разве для дров на гору с ружьем, и то собрався многолюдством»¹⁰, – докладывал 15 октября 1722 г. коменданту города А.Т. Юнгер генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину. В ответ дербентский коменданту А.Т. Юнгер также организовывал походы отрядов драгун и казаков в близлежащие к Дербенту владения, откуда неоднократно совершались нападения горцев на город. Так, 15 сентября 1723 г. была разорена деревня Митаги. 10 июля 1725 г. крупный отряд драгунов, казаков, армян, грузин и дербентской конницы численностью около 2 тыс. человек во главе с полковником фон Лукеем предпринял поход против «бунтовской» деревни Марага. Устрашенные жители начали просить пощады. Полковник фон Лукей получил от них письмо с заверением, об их лояльности российской власти. Решено было вернуть жителям угнанный у них дербентцами, армянами и грузинами скот¹¹.

Несмотря на непростую обстановку, сложившуюся вокруг Дербента после ухода основных военных сил во главе с императором, А.Т. Юнгер старался не обострять отношения с дагестанскими владельцами. Дагестанские правящие элиты писали коменданту о дружбе, называя его «Андрей-бек», «благородный/почтенный господин полковник/коменданту и боярин дербентский», желая «в совете и дружбе жить, старова не надо поминать», уведомляли о поражении турецких войск¹². В 1725 г. дербентскому коменданту удалось наладить отношения с одним из противников российской власти в Дагестане уцмием Кайтага Ахмед-ханом, который признал вину и согласился возместить ущерб от нападения его людей на Дербент 24 августа 1725 г.¹³ В своем письме

⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 9. Оп. 4. Д. 61. Л. 867–868.

¹⁰ Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 211. Л. 143 и об.

¹¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 74. Л. 843 об.

¹² Там же. Л. 847 об., 849–850.

¹³ Там же. Д. 74. Л. 845–846 об.

коменданту уцмий заверял: «Впредь противностей и всякой вражды между нами никакой бы не было и чтоб всегда были в приятстве»¹⁴.

Комендант хорошо разбирался во взаимоотношениях проживавших в Дербенте местных жителей-мусульман, армян и «обретавшихся для торга индийцев». Комендант старался предотвратить конфликты между представителями разных этнических групп и конфессий [1, с. 43]. В 1725 г. в докладе М.А. Матюшкину комендант был обеспокоен «ссорой» дербентских армян и их епископа с местными жителями-мусульманами. Причиной тому послужила судьба купленной за 350 руб. дербентским наибом (правителем) Имамом Кули-беком «девки ясырки черкесски», которую он «хотел везти в подарок Ея величеству государыне императрице». Однако армянин Яков Миризян увел «девку» со двора наиба и спрятал в погребе у епископа Мартироса. Наиб пожаловался коменданту на армян, от которых, по его словам, жития не стало. Армяне же, если Яков будет наказан, грозились покинуть Дербент [16, с. 293–296]. Российская администрация оказалась в сложной ситуации: она не могла оставить без внимания жалобу наиба, которого, но должна была защищать армян, «за них стоять и беречи их» [16, с. 294].

По указанию Петра I дербентский комендант как представитель российской администрации в своей управленческой практике должен был тесно сотрудничать с наибом Дербента. Для этого по императорскому указу генерал-адмиралом Ф.М. Апраксиным от 30 августа 1722 г. была подготовлена специальная инструкция для только назначенного комендантом Дербента полковника А.Т. Юнгера, второй пункт которой гласил: «С дербенским наипом иметь согласие, и поступать ласково, и в среднем городе свою команды не отнимать, и по воротам оной крепости караулам быть от него, или как с общаго согласия заблагоразсудите»¹⁵.

Отношения между наибом и армянским епископом Мартиросом были сложными. Мартирос старался выставить наиба в негативном свете перед российской администрацией. Так, в 1724 г. епископ заявил коменданту Юнгеру «будто усмей, Сурхай и шемхал з дербенским наипом согласились, чтоб собратца и вырубить русских и армян, обретающихся в Дербени...»¹⁶. Комендант знал, что «епископ Мардирос о некоторых случаях чинил доношения, чего и не бывало» в действительности [16, с. 294].

Комендант пытался урегулировать конфликт между российской администрацией и шамхалом Адиль-Гиреем, который из союзника России превратился в ее врага. Причин антироссийского выступления шамхала Тарковского было несколько. Это и строительство вблизи его владений крепости Святого Креста, в связи с чем все действия шамхала Адиль-Гирея теперь становились подконтрольны российской администрации; и разочарование шамхала в российской администрации, которая не поддержала его претензий на исключительную роль среди остальных дагестанских владетелей; и невыплаты за предоставленные шамхалом Петру I «616олов, 15верблудов и 616арб»¹⁷ и др. Российская администрация отправила карательную экспедицию против шамхала. 21 мая 1726 г. шамхал Адиль-Гирей был пленен и после недолгого содержания в крепости Святого Креста отправлен в Архангелогородскую губернию, где в январе 1732 г. скончался¹⁸.

¹⁴ РГАДА. Л. 847.

¹⁵ Там же. Ф. 9. Оп. 4. Д. 216. Л. 198–201.

¹⁶ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 4. Л. 20.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 259. Л. 235 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 13. Д. 781. Л. 85 и об.

В феврале 1726 г. произошла смена руководства российской администрации в «новозавоеванных» областях: большого генерала М.А. Матюшкина сменил князь В.В. Долгоруков, показавший себя отличным офицером на полях Северной войны. Объездив весь юго-западный берег Каспийского моря с севера на юг (от крепости Святого Креста до Решта) и ознакомившись с состоянием российских войск, новый командующий остался крайне недоволен. На прикаспийских окраинах империи не хватало высших военных чинов, «Как на Сулаке (крепость Святого Креста. – Ш.М., Н.А.), так и в Дербени безнадежны командиры», – заключал В.В. Долгоруков. Разобравшись в психологии и нравах дагестанцев, новый командующий в донесении Кабинету Е.И.В. рекомендовал в целях «государственного интересу, чтобы были здесь (в Дагестане. – Ш.М., Н.А.) командиры добрые», и просил учесть при командировании в регион, чтобы «в здешних местах командиры были везде генералы». В.В. Долгоруков свои рекомендации объяснял тем, что «где имя генеральское помянетца, то и боятца, а ежели где полковник или подполковник комендантом, хотя бы он какая состояния не был, страху от него не имеют и в дело ево не ставят, и называют ево по их босурманскому обычаю маленькой господин»¹⁹.

Князь В.В. Долгоруков избрал новую тактику для принятия в российское подданство и контроля за населением присоединенных к империи земель. В марте 1727 г. с отрядом из 800 драгун он отправился по суше из Решта в сторону Дербента. Своим решением князь показал туркам и недоброжелательным персиянам, что они и думать не смеют о «нашей слабости, будто мы только можем держатца по гарнизонам и за бессилием больше не можем никаких действ в Персии казать»²⁰.

По прибытии в Дербент к В.В. Долгорукову 23 апреля 1727 г. явился уцмий Кайтага Ахмед-хан, который обещал быть верным России и публично присягнул за себя и своих детей. Примеру уцмия последовали Султан Махмуд утамышский, шамхальский брат Атачюка, который ранее в российском подданстве не состоял, и другие старшины. Тогда же в крепости Святого Креста «дал охотно присягу» российской власти и владетель Умма-хан Аварский [3, с. 83]. Видимо, новый способ напоминания о российском подданстве, использованный В.В. Долгоруковым в отношении азербайджанских и персидских владетелей, подействовал и на дагестанских правителей. «Ныне один остался Сурхай в противности и от того великого опасения не чаю. Однако ж пакости чинить может, и буду трудится, каким случаем и того склонить», – отмечал В.В. Долгоруков. Командующий планировал привести в подданство Сурхай-хана Казикумухского при посредничестве уцмия, на чьих владениях «Сурхаева скотина питаетца, без чего Сурхай пробыть невозможно»²¹. Однако данный замысел В.В. Долгорукову не удалось воплотить в жизнь. Долгое время Сурхай-хан успешно лавировал между русскими и турками, и как только «турки в 1727 г. прислали ему пашинской чин и к тому на знак два года или бунчук и жалование 3000 рублей на год и к тому же отдали уезд Кабалу» [4, с. 103], он тут же перешел на турецкую сторону.

Решительные действия князя В.В. Долгорукова привели к определенным успехам в имперской практике управления «новозавоеванными» территориями. Однако эти успехи были временными. В первые же годы после смерти Петра Великого в верхах начали задумываться о нецелесообразности с экономической точки зрения присутствия российской власти и армии на присоединенных к Российской империи прикаспийских

¹⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1032.

²⁰ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 131.

²¹ Там же. Л. 133–135.

землях. Впервые об этом в 1726 г. открыто высказался вице-канцлер А.И. Остерман: «Время и искусство показали, что не токмо дальнейшая действа в Персии, но и содержание овладенных тамо уже провинций весьма трудное России становится. Что потребные на то иждивении и убытки весьма превосходят пользу, которую от тех провинций Россия ныне имеет и в долгое время впредь уповать может» [13, с. 111–112].

Петровский этап в истории Дагестана, как и всего Западного Прикаспия, длился недолго, всего тринадцать лет (1722–1735 гг.). В дальнейшем геополитические изменения вокруг региона привели к уходу России из прикаспийских областей. По Гянджинскому договору 1735 г. Россия обязывалась оставить весь Азербайджан и Дагестан, вернувшись за левый берег реки Тerek. Последняя Россия оказалась неспособной управлять значительно удаленными от ее основной территории прикаспийскими землями, к которым относится и равнинный Дагестан. Одной из причин ухода Российской империи с побережья Каспия и уступки данной территории Персии было стремление превратить последнюю из противника в союзника.

Накопленный опыт выстраивания отношений имперской власти с кавказскими правящими элитами пригодился в начале следующего столетия, когда Россия вновь пришла в регион уже с целью окончательного утверждения своей власти. В связи с этим изучение опыта взаимодействия российской власти с дагестанскими политическими элитами в период Персидского похода 1796 г. представляется перспективным направлением.

Литература

1. Бабич М.В. Андрей Юнгер, или о предках Эраста Фандорина в эпоху Петра Великого и его преемников // Петровское время в лицах. Материалы научной конференции. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. – С. 38–49.
2. Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.). – Режим доступа: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246825018> (дата обращения: 11.04.2022).
3. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год. Ч. I. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1869. – 545 с.
4. Гербер И.Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. – М.: Издательство восточной литературы, 1958. – С. 60–120.
5. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). – М.: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 381 с.
6. Лаптева Т.Я. Дербент в составе Российской империи: Письма коменданта полковника А.Т. Юнгера в Кабинет Е.И.В. (1722–1725) // Петр I Восток. Материалы XI Международного конгресса. – СПб.: Европейский дом, 2019. – С. 105–129.
7. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I: 1722–1723. – М.: МГУ, 1951. – 248 с.
8. Магарамов Ш.А. Российско-османское пограничье в Восточном Закавказье в 20–30-е гг. XVIII в.: проблемы разграничения, реакция пограничных сообществ // Журнал фронтовых исследований. 2022. № 1. – С. 94–109.
9. Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И. История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735). – Махачкала: Лотос, 2021. – 192 с.
10. Походный журнал 1722 г. – СПб. [б. и.], 1855. – 194 с.

11. Письма и инструкции императора Петра Великого генералу Матюшкину // Камаров В. Персидская война 1722–1725. – М.: Унив. тип., 1867. – С. 42–65.
12. Рахаев Дж.Я. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII в. Архивные и нарративные источники 1699–1725 гг., российско-османские и российско-персидские договоры первой четверти XVIII в. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. – 784 с.
13. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 55. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1886. – 503 с.
14. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. Т. 17–18. – М.: Мысль, 1993. – 671 с.
15. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. – М.: Наука, 1991. – 223 с.
16. Черкешенка для императрицы Екатерины Первой // Русский архив. 1911. № 6. – С. 293–296.
17. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer, in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, & c., as also several very interesting private anecdotes of the Tsar, Peter I, of Russia. – London: Printed for the author's widow, and sold by T. Payne and son, 1782. – 446 p.

References

1. Babich M.V. Andrey Junger, or about the ancestors of Erast Fandorin in the era of Peter the Great and his successors // Peter's time in faces. Materials of the scientific conference. – St. Petersburg: Publishing House of the State Hermitage, 2005. – Pp. 38–49. (In Russian).
2. Biochronicle of Peter the Great (1672–1725). – URL: <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/biochronic/246825018> (accessed: 11.04.2022).
3. Butkov P.G. Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803. Part I. – St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1869. – 545 p. (In Russian).
4. Gerber I.G. Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea. 1728 // History, geography and ethnography of Dagestan in the 18th – 19th centuries. – Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1958. – Pp. 60–120. (In Russian).
5. Kurukin I.V. The Persian campaign of Peter the Great. Grassroots corps on the shores of the Caspian Sea (1722–1735). – Moscow: Quadriga; Joint edition of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. – 381 p. (In Russian).
6. Lapteva T.Ya. Derbent as part of the Russian Empire: Letters from the commandant, Colonel A.T. Jünger in the Cabinet of E.I.V. (1722–1725) // Peter I East. Materials of the XI International Congress. – St. Petersburg: Evropeyskiy dom, 2019. – Pp. 105–129. (In Russian).
7. Lystsov V.P. The Persian campaign of Peter I: 1722–1723. – M.: MGU, 1951. – 248 p. (In Russian).
8. Magaramov Sh.A. Russian-Ottoman borderland in Eastern Transcaucasia in the 20–30s. XVIII century: problems of delimitation, the reaction of border communities // Journal of Frontier Studies. 2022. № 1. – Pp. 94–109. (In Russian).
9. Magaramov Sh.A., Chekulaev N.D., Inozemtseva E.I. History of the Derbent garrison of the Russian Imperial Army (1722–1735). – Makhachkala: Lotos Publishing House, 2021. – 192 p. (In Russian).
10. Travel magazine 1722 – St. Petersburg, 1855. – 194 p. (In Russian).

11. Letters and instructions from Emperor Peter the Great to General Matyushkin // Komarov V. Persian War 1722–1725. – Moscow: Univ. typ., 1867. – Pp. 42–65. (In Russian).
12. Rakhaev J.Ya. Russia's policy in the North Caucasus in the first quarter of the 18th century. Archival and narrative sources 1699–1725, Russian-Ottoman and Russian-Persian treaties of the first quarter of the 18th century. – Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2012. – 784 p. (In Russian).
13. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 55. – St. Petersburg: Printing house I.N. Skorokhodova, 1886. – 503 p. (In Russian).
14. Soloviev S.M. Compositions. Book. IX. Vol. 17–18. – Moscow: Mysl', 1993. – 671 p. (In Russian).
15. Sotavov N.A. The North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century. – Moscow: Nauka, 1991. – 223 p. (In Russian).
16. Circassian woman for Empress Catherine the First // Russian archive. 1911. no. 6. – Pp. 293–296. (In Russian).
17. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer, in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, & c., as also several very interesting private anecdotes of the Tsar, PeterI, of Russia. – London: Printed for the author's widow, and sold by T. Payne and son, 1782. – 446 p.

Поступила в редакцию 26 апреля 2022 г.

UDC 94 (470.67)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-15–25

Dagestan in the Policy of the Russian Empire in the First Third of the 18th century

Sh.A. Magaramov¹, N.A. Asvarov²

¹ Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences; Russia, Republic of Dagestan, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st., 45; sharaftdin@list.ru;

² Dagestan State Pedagogical University; Russia, Republic of Dagestan, 367000, Makhachkala, Magomed Yaragsky st., 57; nariman.vip@yandex.ru

In the first third of the 18th century. in the historical fate of the peoples of Dagestan, a new stage associated with Peter's Russia was established. The Caspian part of Dagestan, like the entire southwestern coast of the Caspian Sea, was annexed to the Russian Empire as a result of the Persian campaign undertaken by Peter the Great in 1722–1723. The Caspian "island" of the empire appeared, designated in archival documents as "newly conquered" or "overseas" territories. The author analyzes the establishment of imperial orders in Dagestan, the formation of the management system and building relationships with local ruling elites. It is shown that the main instrument of ensuring imperial power in the region was the army, its separate military regular and irregular (Cossacks, Kalmyks, Armenians, Georgians) formations, united in the Lower Corps of the Russian Imperial Army. Directly on the territory of Dagestan, the presence of the Russian imperial power was ensured by the garrisons of the fortress of the Holy Cross, Derbent, Tersk and Agrakhan retrenchments. The study showed that all

power in the garrisons was in the hands of the commandants, who were the commandants of the Russian power. The Peter's stage in the history of Dagestan, like the entire Western Caspian region, lasted for thirteen years, since the geopolitical changes in the region led to the withdrawal of Russia from the Caspian regions. Post-Petrine Russia turned out to be incapable of managing remote Pre-Caspian territories, including Dagestan. The reason for the withdrawal of the Russian Empire from the Caspian coast and the cession of this territory to Persia was also an attempt to turn the latter from an adversary into an ally.

Keywords: *petrovskaya Russia, Persian campaign of 1722–1723, Dagestan, imperial outskirts, management system, international relations.*

Received 26 April 2022